

18+

ЖЕЛАННЫЕ

Татьяна Аникина • Ольга Аносова • Наталья Борисова
Людмила Воеводина • Оксана Лебедева • Валерия Стрекаловская
Оксана Струнникова • Евгения Табуева • Надежда Трестьянова

**Валерия Стрекаловская
Евгения Табуева
Людмила Воеводина
Надежда Трестьянова
Наталья Борисова
Оксана Лебедева
Оксана Струнникова
Ольга Аносова
Татьяна Аникина**

Желанные. Сборник сказок

<https://litres.ru/74247062>

ISBN 9785007032520

Аннотация

«Желанные» — сборник современных сказок для взрослых, которые не боятся говорить о желаниях вслух.

Здесь Муза уходит в отпуск, музейные экспонаты сбегает, тело чувствует любовь быстрее разума, а героини выбирают себя — без оглядки и оправданий.

Это яркие, ироничные, нежные истории о свободе, выборе, тайнах души и смелости желать большего. Каждая сказка —

словно зеркало, в котором можно увидеть себя и свои истинные желания.

Откройте книгу — и вы услышите то, о чем давно говорит ваше сердце.

Содержание

Неоплачиваемый отпуск для музы	7
Оксана Лебедева	7
Аленка, бревно и телефон	14
Людмила Воеводина	14
Время жизни	18
Надежда Трестьянова	18
Ее звали Её	22
Ольга Аносова	22
Друзья и музыка	29
Наталья Борисова	29
Сказки из постирочной	36
Евгения Табуева	36
Февральский фонарь	41
Татьяна Аникина	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Желанные

Сборник сказок

Авторы: Борисова Наталья, Аникина Татьяна, Лебедева Оксана, Струнникова Оксана, Табуева Евгения, Аносова Ольга, Стрекаловская Валерия, Воеводина Людмила, Трестьянова Надежда

Редактор Алёна Стимитс

Дизайнер обложки Оксана Лебедева

Иллюстратор Nano Vanana 2 нейросеть

© Наталья Борисова, 2026

© Татьяна Аникина, 2026

© Оксана Лебедева, 2026

© Оксана Струнникова, 2026

© Евгения Табуева, 2026

© Ольга Аносова, 2026

© Валерия Стрекаловская, 2026

© Людмила Воеводина, 2026

© Надежда Трестьянова, 2026

© Оксана Лебедева, дизайн обложки, 2026

© Nano Vanana 2 нейросеть, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-3252-0

Неоплачиваемый отпуск для музы

Оксана Лебедева

— А я сказал — НЕТ! — Дионисий Бахусович Пьянков схватил со стола исписанный лист и в исступлении принялся рвать его на мелкие кусочки. Взметнув полученное конфетти, мужчина тяжело опустился в кожаное кресло и вытер со лба мелкие бисеринки горячего пота. Пока он, хрипло дыша и грязно выражаясь, пытался усмирить дрожащие руки, клочки бумаги над его головой собрались воедино, и на столешницу плавно опустилось в сто двадцать первый раз невинное заявление.

— Подпиши... — мягко, но непреклонно попросила элегантная женщина, изящно сидящая на стуле для посетителей.

— Да что ж ты за настырная такая, Муза Олимпиевна! В сто двадцать второй раз повторяю: не могу я сейчас отпустить тебя в отпуск! Тем более в бессрочный! Кто работать будет, а? Пушкин?

— Не трогай Сашу! — Голос красотки заledenел, и в нем явно проскользнули шипящие нотки. Все-таки хоть и дальше, но родство с горгоной Медузой время от времени отчетливо о себе напоминало.

Дионисий Бахусович поморщился, но обороты сбавил:

— Сама подумай, кем я тебя заменяю? Этими юными вертихвостками? Они считают, что если особь женского пола познакомить с денежным мешком и надеть на нее юбочку покороче, то в графе «*рождение певицы*» смело можно ставить галочку!

— Ничего плохого в коротких юбочках не вижу! Вот когда я Гомера вдохновляла...

— Так он слепой был!

— В процессе ослеп... Это потом напридумывали всякого...

— Так ты еще со времен Гомера работаешь?

— Ну да! Меня, вообще-то, попросили временно Мельпомену заменить, пока она в декрет сходит. Вот, все жду!

— Не ты одна такая ожидающая. Я вот тоже и. о. Аполлона сколько сотен лет! Сижу — не жалуясь! Работу работаю! Искусство в массы продвигаю!

Тут Дионисий устало прикрыл веки и неожиданно забормотал, громко отстукивая копытом незамысловатый рэперский ритм:

Эй, муза, подай бокал!

Тебя я себе поймал!

Но муза сидит — как трамвай,

Который забыл расписание.

А я его жду, поэтому

Мы понимаем друг друга...

Глаза Пьянкова распахнулись, и он в ужасе уставился на собеседницу.

— Ну вот, сам видишь, что мне срочно в отпуск пора, если после Гомера и Пушкина я сейчас только на такое вдохновить и способна!

Дионисий Бахусович сложил губы куриной гузкой и нехотя потянулся к чернильнице.

— Ладно, отдыхай! Только средств на отпускные у меня нет! Сметой не предусмотрено. Деньги понадобятся — сама на фрилансе зарабатываешь!

Довольная Муза кивнула, подхватила подписанное заявление и летящей походкой устремила на выход.

— Все равно ты будешь вдохновлять! Не сможешь по-другому! Дарить людям крылья — это твой неснимаемый крест! — Слова, приправленные изрядной долей пророческой магии, звучали в ушах женщины, даже когда она захлопнула тяжелую дверь божественных чертогов и выскочила на оживленную улицу.

— Не дождешься! — Остановившись у ближайшей витрины, Муза посмотрела на свое безупречное отражение и нахмурилась. Нет, с такой внешностью она точно не отдохнет в свое удовольствие. Надо нарастить килограмм шестьдесят — восемьдесят да состарить лицо лет на двадцать пять — тридцать. Срочно притушить блеск волос, глаз, зубов, добавить десяток морщинок, пяток прыщей и парочку крупных пигментных пятен.

Через полчаса по центральному проспекту степенно дефилировала корпулентная дама неопределенного возраста. Безразмерный плащ подчеркивал отсутствие шеи и талии, а винтажная шляпа и старомодные туфли придавали всей фигуре слегка гротескный провинциальный шик. Однако спина была идеально ровной, походка — легкой, взгляд — твердым, уверенным. И рост. Рост она уменьшать не стала. Смотреть на кого-то снизу вверх? Обойдутся! Много чести!

Обходя по широкой дуге шумную компанию студентов, Муза нечаянно задела бедром — *ну не привыкла она пока еще к новым габаритам* — сублильного мужичка, задумчиво смотрящего себе под ноги. Мужичок возмущенно обернулся, но гневный взгляд мгновенно сменился восхищенным, а с губ сорвалось:

— Сеньора Фата!

Да, именно так должна выглядеть королева, мать главного героя его романа. Хотя какой он герой? Кому интересны жалкие похождения сопливого мальчишки? А вот она — да! Героиня! Взрослая! Гордая! Благородная! Желанная!

Мужчина расправил плечи и пулей метнулся к дому. Быстрее, быстрее выплеснуть на лист новые главы! Это будет шедевр! Только бы успеть, только бы не упустить эту неожиданную волну вдохновения, которая накрыла его после толчка незнакомки!

Не подозревая о судьбоносной роли, которую она сыграла в жизни слегка популярного в последнее время писателя,

Муза шла к своей цели. Цель была простой и ясной: ближайшая гостиница, где она, наконец-то, сможет выспаться! Всю ночь! Одна! Не утирая слез, носов и не подсказывая слов, рифм и нот! Ну почему, почему все творцы так любят страдать по ночам? Впрочем, нет, не все. А жаль! Так бы она хоть днем выспалась! Вот, наконец-то, стойка регистрации, оформление, оплата... Странно, счет увеличился, несмотря на то, что она сегодня не работала... Ладно, все потом, потом... Номер. Кровать. Закрывать глаза. Спать...

— Эй!

— Бух! Блямс! Хрясь!

— Ха-ха-ха!

— Бульк! Дзынь! Шмяк!

— Гы-гы-гы!

Постояльцы соседнего номера явно настроились на веселый продолжительный вечер.

Муза поплотнее закуталась в одеяло и накрыла голову подушкой. Еще одной. Покрывалом. Полотенцем. Плащом. Бесплезно! Сон тихонечко испарялся, оставляя после себя звенящую ярость.

Наконец терпение лопнуло. Скинув с себя ворох бесполезной шумоизоляции, Муза накинула плащ прямо на голое тело и решительно вышла в коридор. На десятый стук дверь соседнего номера приоткрылась, и оттуда выглянули бородастые дядьки в банданах на бритых головах и с татухами на мощных бицепсах.

Муза набрала в грудь как можно больше воздуха и на всех известных ей языках стала объяснять правила внутреннего распорядка гостиницы. Подробно. Громко. С выражением и применением ненормативной лексики. Тоже на всех известных ей языках. А знала она их много — примерно все.

Дядьки сначала просто стояли. Через минуту стали кивать. Часто и убедительно. Через две — отступили внутрь и аккуратно прикрыли дверь.

Через полчаса дежурный администратор с удивлением провожал глазами компанию абсолютно трезвых байкеров, которые, держа в руках кожаные берцы, на цыпочках вышли из гостиницы и, не обуваясь, покатали своих железных коней в темную даль.

Примерно через полгода одна малоизвестная рок-группа внезапно взлетела к вершинам популярности, благодаря балладам о суровой Валькирии.

Дионисий Бахусович Пьянков задумчиво почесывал затылочную плешь. Перед ним лежала увесистая папка с последними отчетами о бодипозитивной музе. Да, на работу она так и не вернулась и внешность менять отказалась. Только прыщи и пигментные пятна убрала. Говорит, что ей и так хорошо. Врет, поди. Но уж очень убедительно врет!

Дионисий перелистнул пару страниц... Очередное дефиле моделей plus-size — восторженные отзывы прессы. Открытие нового салона одежды королевских размеров — небывалый рост доходов с первого дня. А ведь эти же моде-

льеры придумали Твигги и Кейт Мосс. Ренегаты! Хотя...

Пьянков передернул плечами и перевел взгляд на духов-хозяйственников, крепящих к стене новую картину. Небольшое полотно, за которое он заплатил просто неприличные деньги из личного, между прочим, кармана. Еще повезло, что смог перебить цену известного толстосума, который на аукцион пришел с живым пособием по женской анатомии, а выйти мечтал с изображением роскошной нимфы, достоинства которой едва удерживались скромной платиновой рамой. Но Дионисий видел не пышные тела и не соблазнительную позу красотки, а знакомый живой взгляд абсолютно счастливой женщины.

Ладно! Папка с отчетом полетела под стол. Пусть Муза Олимпиевна погуляет еще немножко. Все равно она даже в отпуске умудряется сделать намного больше, чем толпа ее временных заместительниц.

Дионисий Бахусович поднялся и подошел к панорамному окну, из которого открывался потрясающий вид на весь подлунный мир. Он лениво потянулся, еще раз почесал лысинку... и решительным шагом вернулся к столу.

Через секунду помещение опустело. Только на чистой столешнице сиротливо лежал одинокий бумажный лист. «*Заявление на отпуск*» — было написано в правом верхнем углу...

Аленка, бревно и телефон

Людмила Воеводина

В одном спортивном зале, где пахло магнезией, где слышались детские голоса и музыка, стояло старое гимнастическое бревно. Оно было гладким от тысяч ладоней, немного потертым, с едва заметными трещинками — следами времени. Никто не знал точно, сколько лет было бревну, но его все любили и боялись. Да, да, именно! Любили за то, что оно мужественно терпело и не ломалось от разнообразных трюков гимнасток, и боялись за его способность сбросить с себя ленивых и невнимательных.

Однажды в зал вбежала Аленка, юная гимнастка с хвостиком на голове и сияющими глазами. В руках девочка держала новенький мобильный телефон, который получила в подарок на день рождения. Он был такой красивый, что Аленка замирала от восторга и смотрела на экран, почти не отрываясь. Начиналась разминка, и Аленка, торопясь на нее, положила свой новый телефон прямо на бревно.

Телефон мигнул экраном и вдруг сказал:

— Эй! Ты чего такой твердый?

Бревно немного удивилось:

— Потому что я бревно. А ты кто такой, такой блестящий?

— Я телефон! Новый! Умный! Быстрый! — гордо ответил мобильник. — Во мне есть интернет, игры, музыка, фильмы и даже погода на завтра!

— Интересно... — задумчиво ответило бревно. — А я помогаю детям учиться не падать.

— Серьезно? — хихикнул телефон. — Это же скучно!

— Совсем нет, — спокойно сказала бревно. — Это страшно, трудно и очень важно.

Телефон фыркнул:

— Ну и что! Со мной Аленке весело! Она смеется, играет, смотрит видео!

— А со мной она становится сильной, — тихо ответило бревно.

Телефон замолчал.

Аленка начала тренировку. Она шагала по бревну, балансировала, иногда прыгивала и снова залезала.

Телефон наблюдал и шепнул:

— Слушай, бревно, а ты не боишься, что она упадет?

— Боюсь, — честно ответило бревно. — Но я знаю: если не пробовать — не научишься.

— А если будет больно?

— Тогда она станет смелее, — ответило бревно.

Телефон задумался.

В перерыве Аленка взяла телефон, села на скамейку и начала играть.

— Видел? — радостно сказал телефон. — Она выбрала

меня!

Бревно не обиделось, только мягко ответило:

— Она отдыхает.

— А ты, значит, не нужен?

— Я нужен, когда ей трудно, — сказала бревно.

Телефон снова задумался.

Так проходили дни. Аленка тренировалась, падала, вставала, смеялась, иногда плакала, часто прыгала от счастья, когда получался сложный элемент. Телефон всегда был рядом, а бревно — под ее ногами.

Иногда телефон ворчал:

— Она опять к тебе пошла!

— Потому что хочет стать лучше, — отвечало бревно.

— А со мной ей весело!

— А со мной она растет!

Прошел год.

Аленка выросла. Она стала сильнее, смелее и увереннее. У нее появился новый телефон — еще быстрее, ярче и умнее.

Старый телефон положили в ящик.

— Эй... — тихо сказал он. — А как же я?

Но его никто не слышал.

А бревно осталось.

Однажды Аленка подошла к нему, погладила рукой и сказала:

— Спасибо! Благодаря тебе я многому научилась. Осо-

бенно не бояться.

Бревно тихо улыбнулось.

А старый телефон в ящике вдруг вспомнил разговоры: «Она отдыхает...», «Она растет...», «Я нужен, когда трудно...»

Он понял, что был веселым, умным и современным, но куда важнее — стать нужным и надежным.

Время жизни

Надежда Трестьянова

Когда на землю опускалась ночь, многие из людей с верой в душе загадывали желания. И, конечно, мечты сбывались, но... только у тех, кто действительно верил в волшебство. Остальные просто жили и плакались на свою судьбу, на то, что ничего у них не выходит и не получается.

Именно к таким отчаявшимся обычно присылают ангелов.

Елена тоже жила в этом городке. Была она премудрая умница и красавица. Очень талантливая. В юные годы ходила в художественную школу, с отличием ее окончила, писала картины разные. Особенными получались нарисованные на стекле. Люди ими любовались да восхищались.

А до чего честная и правильная была, аж жуть берет! И вроде все как у всех — семья, работа, быт, — а истинного счастья нет. И решили небесные жители послать ей ангела, чтобы подсказал, в чем ее предназначение, и открыл путь к свету. Да так подсказал, чтобы Елена путь сама увидела и очень захотела измениться и засиять.

Но темные силы тоже наблюдали за ней и все контролировали. Им люди нужны были пустые, несознательные, блуж-

дающие по своей жизни и затуманенные. Миссия темных сил состояла в том, чтобы люди никогда не прозрели.

Елена жила и даже не подозревала, что за нее идет такая борьба между светом и тьмой. Ангел посылал ей мудрых наставников, но темнота дурманила ум и через людей бездушных обманывала, запутывала проблемами, делам ее не давала развиваться.

Была у нашей девицы-красавицы сестрица: имя ее несло в себе большой смысл — Надежда. Много лет она тоже жила в неведении прозрения. Ангелы помогли ей, руки свои протянули. Долго Надежда не замечала их, не прислушивалась к себе, делать ничего не хотела. А когда сама решила все в жизни своей поменять, пошла учиться — и не точным наукам, а эзотерике, чтобы копнуть глубже и понять суть существования.

Не просто было: работала, ночами училась, разбиралась в себе заново. Стихи начала вскоре писать, песни петь... Как же ликовали ангелы, что одной осознанной душой оказалось больше!

Во чтобы то ни стало решила Надежда сестре Елене помочь, ангелом тем самым для нее быть. Вела с ней беседы непростые, об устройстве мира говорила, о добре и зле. А вот толку совсем не наблюдалось: не слышала ее сестра и плыла по своему течению. Темные силы Елене уши закрывали, мыслить не давали. Людей посылали, которые время ее воровали, волю свою диктовали, личность в ней разрушали.

Так жила-поживала Елена. Вроде все у нее шло хорошо, как обычно, а сердце было беспокойно.

Потихоньку бежало время, мелькали дни и ночи.

В один долгожданный выходной Елена погрузилась в домашние хлопоты. Решила генеральную уборку затеять и обнаружила, что часы в зале остановились. Она пожала плечами и заменила батарейку. А часы не идут. Что за напасть?

Зашла в спальню, а там такая же картина: стрелки будильника оцепенели и не двигаются. Это ее уже смутило.

Заглянула на кухню и в прихожую. Часы и там замерли. Испугалась Елена. Неужели и ее жизнь, как эти часы, остановилась? А ведь и правда — каждый новый день похож на вчерашний.

Долго просидела она у окна, стало ей от тревожных дум невыносимо тошно. Решила Елена пораньше лечь спать. Надеялась, что наступит следующий день и все изменится.

Утром луч солнца золотого коснулся ее щеки.

Елена проснулась, почувствовав его теплое поблескивание, открыла глаза и улыбнулась. Хорошо выспалась!

Вскочила с кровати и, приплясывая, отправилась варить кофе. Но споткнулась, увидев, что часы на кухне стоят. Накатила на нее печаль, а она возьми да и запой! Сколько можно печалиться?! От чистого звука ее голоса вдруг побежали стрелки на часах.

Елена заглянула в большую комнату, достала из ящика стола мольберт, краски и кисти. Ей так захотелось творить и

вытворять, наполнять свою жизнь яркими эмоциями. О боже! Какая красотища стала появляться на холсте от каждого взмаха кисти! Часы в комнате вдруг ожили и начали красиво и мерно отбивать очередной час.

Потом Елена заглянула в спальню. А будильник все стоит как вкопанный.

— Ну и ладно! — рассмеялась она. — Пора по внутренним часам просыпаться!

Ангелы наблюдали за ней и хлопали в ладоши.

Пришла в тот же день Надежда в гости и сразу поняла по улыбке сестры, что та теперь живет своей настоящей жизнью.

А часы из прихожей Елена и вовсе убрала. Зачем столько подсказок о том, что единственная жизнь проходит быстро? Ей и так все понятно про себя стало.

Ее звали Её

Ольга Аносова

Комната под крышей всегда выглядела одинаково. Солнечные лучи, проникающие сквозь треугольное торцевое окно, совсем ее не освещали. Она оставалась мрачной и тяжелой даже в самые яркие дни. Вдоль стен по углам стояли коробки, наполненные старыми воспоминаниями, достижениями, эмоциями, записями, идеями, информацией, какими-то документами, непржитыми чувствами, мечтами и желаниями. Их было так много, что создавалось ощущение бардака и нелюдимости.

Хозяйку комнаты звали Её. Это имя она придумала себе сама. За долгие годы она ни разу не задумалась, зачем эти коробки здесь лежат и пылятся.

В центре стоял огромный ящик, набитый, как думала Её, самым важным. Например, в нем отсвечивал образ последнего возлюбленного, чувства к которому были еще настолько яркими, что Её никак не могла выбросить его из ящика. Еще поблескивало несколько целей — девушка работала над ними в настоящий момент, — они создавали в комнате атмосферу стабильности. Но самое интересное, в ящике торчали мечты, которые никак не разваливались от времени. Все по-

пытки Её спрятать их подальше заканчивались фиаско. Они будто сами вылезали наверх сквозь груды задач, планов, рутинных вопросов, жизненных проблем и ситуаций, напоминая о себе своим присутствием.

Однажды девушка почувствовала, что хочет расчистить тяжелую, темную комнату. Она выделила на это несколько дней, так как приходилось ловить светлые солнечные мгновения, чтобы не ковыряться в темноте и без настроения. Её взяла с собой огромное железное ведро для сжигания всего ненужное.

Уборка началась с приятностей. Её нашла воспоминания из совсем глубокого детства, когда она была беззаботной, жизнерадостной и, самое главное, влюбленной. Только девушка не заметила, как вслед за этим быстро пришли горькие чувства: тревога, страх и отчаяние — в них она жила долгие годы. Она вспомнила, как смелость проявляться превратилась в закрытость, любовь — в ощущение небезопасности, а нежность и легкость рассеялись без следа, словно утренний туман, оставив после себя лишь звенящую пустоту и тяжесть.

— Фу, только настроение себе испортила! — Её с презрением отложила коробку с названием «Проявляться настоящей небезопасно». — Приберусь быстро и без эмоций!

— Зачем ты ее туда поставила? — раздался голос из угла рядом с окном.

Её от неожиданности даже пошатнулась. Коробка упала,

и все содержимое рассыпалось. На лице девушки застыло не то удивление, не то страх.

— Вы кто? Как здесь оказались?

— Не «вы», а «ты». И я всегда здесь, с тобой! Зачем коробку поставила обратно? Решила разгрести завалы — разгребай! Или так и будешь сидеть в своем коконе? Не надоело?

— Каком коконе?

— М-м-м! Настолько плохо?! Что было в этой коробке? Твоя жизненная ситуация, которая произошла так давно, что ты даже не помнишь ее. Предпочла забыть. А ведь в ней много правды!

Её смотрела на гостью, не отрывая глаз, и не могла понять, кто она. Ясно было только одно — это женщина: длинные волосы; стройная и высокая. И голос... Он такой знакомый и родной.

Гостья не унималась. И интонация подтверждала, что шутки неуместны, спорить бесполезно.

— Её, возьми вон ту коробку.

Последовав совету женщины и открыв коробку, Её сразу заулыбалась от умиления. В ней лежали воспоминания о Володе, мальчике из детского сада, искренне влюбленном в нее. Он заставил маму сделать для девочки бант в виде шляпы. А потом приехал к ней с родителями, чтобы вручить подарок и официально признаться в любви.

— Вот видишь! Значит, тебя любили! — Голос гостьи

прозвучал как продолжение мысли Её.

— Нет! Меня никто не любил. Я никому не нужна! — беспощадно швырнув коробку в ведро, ответила девушка.

— Хорошо! А возьми вот это.

В указанной гостьей коробке лежало маленькое воспоминание о короткой танцевальной карьере Её. Она неожиданно для всех ушла из коллектива и еще долго слушала уговоры тренера вернуться обратно.

— Не нужна? Не любили?

— Это не то!

— Ну как не то? Очень даже то: главная солистка коллектива! Зачем ушла?

После этого вопроса Её почувствовала, как нестерпимый жар разливается по всему телу, как будто она начала раздуваться.

Гостья, не обращая внимание на дискомфорт Её и на увеличение размеров девушки, показывала то на одну коробку, то на другую, заставляя Её погружаться в воспоминания, которые та всегда тщательно игнорировала. Её словно заново проживала их и выбрасывала.

Девушка вспомнила, как была любима, как ей помогали защитники, которые проявлялись без ее желания. Она вспомнила свои успехи. Почему-то раньше она не придавала этим моментам большого значения. В ведро полетели все расставания, обиды и разочарования.

А еще в утиль отправились воспоминания о несложив-

шейся карьере, незавершенных проектах, страхе известности; туда же полетели мысли о собственном несовершенстве и неуверенность в себе.

Открывая коробку за коробкой, оголяя то, мимо чего она в жизни пробежала, нещадно выбрасывая то, на что закрывала глаза, то, что вызывало горечь и обиду, чувство несправедливости, принятое ею за норму, Её все сильнее и сильнее расширялась и толстела. Казалось, она начала ощущать стены комнаты, а потом и всего дома. Ей стало нестерпимо тесно.

— Я никогда не чувствовала пика, своей вершины, славы, известности, хотя шла к этому... Я оставляла, бросала, не сделав последнего шага, и начинала что-то новое. Почему?

Гостья молчала, таинственно улыбаясь.

— Мне что-то тяжело дышать! Я такая зажатая! — тихо проговорила Её.

— Хорошо, — кивнула головой гостья, показав на еще одну, совсем крохотную коробку.

Её даже не заметила бы серую картонную упаковку, плотно заставленную другими вещами. К этому моменту ей было очень тяжело двигаться, взгляд притупился, дыхание становилось прерывистым, чувствовалось раздражение и даже злость. Воспоминаний было настолько много, осознание казалось столь едким, что Её не сдержала слез.

Она устало достала маленькую, хрупкую, но очень тяжелую коробочку, постаравшись не уронить все остальное.

Крышка коробки открывалась медленно, как будто специально дразнилась, оттягивая момент разоблачения секрета. Её даже не сразу поняла, что там лежит. Но по мере разворачивания содержимого ей начали приходить прекрасные картины из школьного периода, когда она была счастлива, верила в успех и мечту, смело раскрывала таланты и не боялась трудностей. Она ярко и полно почувствовала настойчивость, воодушевление и заряженность целью. А ведь именно в тот школьный период девушка как раз готовилась к карьере журналиста.

Когда коробка полностью раскрылась, Её ощутила резкий толчок: «Ты будешь поступать сюда! Готовься!»

Тогда, в молодости, она была в шаге от своей мечты. И внезапно возникшая стена без предупреждения развернула школьницу на другой путь. Ей предстояло пойти туда, куда она не хотела и не планировала. Страшно и обидно, но отказ был невозможен. Она прошла длинную, насыщенную событиями дорогу, которая сформировала личность, но не сделала Её счастливой.

Все, что Её зажала в себе много лет назад, все, что она держала, пытаясь скрыть, разом вырвалось из нее. Пронзительный крик разорвал удушающую тишину, застрявшее молчание и чувство одиночества.

— Я есть! Я есть! — повторила Её, открывая глаза.

Яркое солнце освещало комнату, лаская теплыми лучами струящиеся локоны девушки. Ощувив легкость, Её начала

вальсировать и нежно напевать: «Луч солнца золотого тьмы скрыла пелена...»¹ В танце она осмотрела комнату и даже не сразу узнала ее: аккуратно разложенные на полках предметы выглядели как декорации в дорогом фильме, не было пыли и завалов. Девушка никогда не видела комнату такой красивой.

Её, щурясь и смеясь от игривого солнца, сегодня сделала то, что давно хотела, но не позволяла себе: она распахнула окно, которое закрылось перед ней много лет назад. Свежий воздух нежно обнял красавицу, наполнив комнату ароматом цветущего лета, свежестью и свободой.

— Привет, Мир! Встречай меня! Я уже здесь!

¹ Слова из песни «Луч солнца золотого» (текст: Ю. Энтин; музыка: Г. Гладков)

Друзья и музыка

Наталья Борисова

Жила в одном доме Записная Книжка, точнее, пылилась она там на дальней полке. Как она очутилась в этом месте, совершенно не помнила. Казалось бы, обыкновенная: ни слишком тонка, ни слишком толста, среднего размера, ни старая, ни молодая. Одним словом, нормальная.

Только сама себя Книжка считала какой-то не такой, словно бракованной. «Размер не тот, года не те, вечная тяжесть на сердце, вечный минор в голосе, да страницы еще некоторые склеены, — накручивала себя Записная Книжка. — Вот бы мне повеселее стать, жить поярче! Как бы вылечить эту грусть?» — задалась однажды она вопросом и так сильно взмолилась, что, видимо, услышал ее кто-то свыше.

«Мам, я сегодня задержусь. После универа у нас с друзьями творческий слет. Пока!» — услышала Записная Книжка. Затем она ощутила прикосновение теплых рук и вмиг оказалась в темном пространстве.

Звук захлопывающейся двери зародил в Книжке тревогу. Потом слышались оглушающие сигналы машин; гул ритмично постукивающих колес, словно отбивающих старинный ритм, идущий сквозь года железной дороги; металличе-

ский скрип тормозов. А еще — шелест листьев, треск деревянной калитки, радостный гогот и смех молодых девушек и юношей.

«Боже, куда я попала!» — только и успела подумать Книжка, как опять прикосновение — и она вылетела и шлепнулась о стол. Вдруг рядом приземлилась шариковая ручка цвета сочного апельсина и массивные черные наушники. Книжка увидела комнату, больше похожую на какой-то гараж: две стены в кирпичной кладке, остальные — обиты деревом, окно с деревянной рамой, компактный камин в углу рядом со столом, потертый кожаный диван.

«Ого, как интересно!» — думала Книжка, окидывая взором аккуратно расставленные музыкальные инструменты. В эту секунду к ней подскочила яркая Ручка.

— Ты что, здесь первый раз?

— Ну да, — смущаясь, ответила Книжка еле слышно.

— Мне нравится! Здесь круто и всегда интересно, весело, прям драйвово. Люблю сюда приходить.

«Весело... круто... драйвово...» — прокрутила про себя Записная Книжка, но из этих трех слов она представляла только значение первого, хотя уже давно не чувствовала этого «весело».

— Ты как тут оказалась?

— Сама понять не успела. Взял кто-то в руки, и вот я здесь. Вообще-то, я радость ищу, хочу проститься со своей грустью, — опуская взгляд, призналась Книжка.

Хоть она и была крайне скрытной, но ей вдруг захотелось поделиться своими желаниями с новой знакомой. Ручка располагала к общению своей непосредственностью и позитивной энергетикой. Записная Книжка восторгалась и ощутила, как по листам пробежали мурашки. Это был добрый знак, хоть и редкий в ее жизни.

— Сейчас ребята вернутся, и здесь такое начнется... Ух, держите меня семеро! В пляс пойду, а то с этими курсовыми совсем заржавела. Пишу, пишу, а жизнь-то идет. А я знаешь, как жизнь эту люблю! Все люблю: петь, танцевать, гулять на свежем воздухе, любоваться закатами. Все и всех вокруг люблю! Листочки, цветочки... людей люблю, хоть иногда и чудаковатые встречаются, а все равно каждый по-своему интересен. Вот теперь и тебя люблю, грусть моя грустинка, — задорно протараторила Ручка и залилась заразительным смехом.

Книжка так, конечно, смеяться не умела, что уж там, она и не помнила, когда смеялась последний раз, а уж про чувство юмора думала, будто оно и вовсе у нее отсутствует. Но на улыбке она все же себя поймала.

— Идут! Ух, держись, твою грусть сейчас как рукой снимет, — ободряюще проговорила Ручка, подмигнув Книжке.

Высокий шатен с веснушками на лице подошел к барабанной установке. Кареглазый брюнет включил синтезатор. Голубоглазый русоволосый молодой человек вооружился гитарой. Милая девушка с вьющимися волосами цвета меди

держала в руках маракасы. К ним присоединился еще один участник — с пепельными волосами и глазами цвета голубой лагуны.

Вступление взяли на себя барабаны, за ними зазвучала гитара и синтезатор, затем добавили ритма маракасы. Девушка и молодой человек запели, вживаясь в роли героев песни. На импровизированной сцене началось какое-то волшебство. Инструменты издавали зажигательную мелодию, ритм музыки задавал движения, исполнители звучали живо и эмоционально, еще больше вовлекая в эту музыкальную историю. Ручка сорвала свой колпачок и начала притопывать, подпрыгивать, подпевать... Она это делала так естественно, что многие могли бы позавидовать ее умению быть собой, умению наслаждаться жизнью в моменте.

Во взгляде Записной Книжки считывался явный интерес к происходящему, однако она стояла немного отстраненно.

— Ну что ты такая кислая?! Неужели тебе не понравилось?! Классно же было! — едва отдышавшись, обратилась Ручка к Книжке, во взгляде, которой опять виднелась грусть.

— Нет, что ты, мне очень даже понравилось, только вот... Ну, как тебе объяснить? Это когда глубоко внутри горит огонь, а снаружи словно ледяная корка покрывает. Она тебя сковывает и не дает возможности проявить свои эмоции. Или, наоборот, внутри — лед, а снаружи — огонь, но баланса-то нет, будто борется что-то во мне... Понимаешь? — смотря в глаза собеседнице, призналась Книжка.

— Да... дела... Кажется, здесь все серьезнее, чем я думала. Но ты не вешай нос, есть у меня одна идея... и даже не одна, а может, и не две. Не зря же меня генератором идей прозвали! Пойдем, я тебя кое с кем познакомлю.

— Знакомьтесь! Наимудрейшие, наиумнейшие Наушники. Сколько они книг умных прослушали и передач разных — и не сосчитать. — Ручка показала на те самые черные Наушники, которые до сих пор лежали на столе.

— А это наша грустная-прегрустная Записная Книжка. Ей помощь нужна твоя. Хочет научиться радоваться жизни.

Наушники внимательно окинули взглядом новую знакомую и через несколько минут заключили: «Застряла в прошлых обидах, болях и страхах — с ними нужно работать».

— Понятно. А как с ними работать? — поспешила уточнить Ручка.

— Вот, видишь, страницы у нее склеены, в них-то вся грусть и спрятана глубоко-глубоко. Один, два, три... ну, здесь с момента рождения лет до шестнадцати, пожалуй. Начнем доставать.

Глаза Книжки заблестели. Она затряслась, едва сдерживая слезы.

— Да не бойся ты, резать мы тебя не станем, — постаралась разрядить обстановку Ручка. — Будем действовать современными методами. Перепишем твой жизненный сценарий. Нужно только еще раз окунуться как следует в прошлое, расклеить страницы историй, пусть даже и неприятных. Хоть

совсем не хочется о них вспоминать, но для дела надо, понимаешь? — тихо, почти шепотом вымолвила Ручка, поглаживая новую знакомую.

— Ну давай, расслабляйся! Закрывай глаза и вспоминай все в ярчайших подробностях! Ощути полную гамму эмоций. Если хочешь — поплачь, не сдерживай себя. Рыдай, кричи, бей подушку... Только выпусти застрявшее на свободу, как птицу вольную из клетки. Затем от чистого сердца поблагодари всех за предоставленный опыт. Ты ведь понимаешь, что ничего в твоей жизни не является случайностью?! Скажи «Благо дарю». А уж новый сценарий мы тебе быстренько напишем. Дальше тебе только самóй по нему идти. Постарайся жизнь свою изменить, чтобы просто счастливой быть. Жить — это так здорово!

Записная книжка приступила к самовосстановлению. Было видно, как тяжело давался ей этот метод. Ее несколько раз перекашивало, потряхивало. Она резко вздрагивала, взмокла от слез, но продолжала стойко отпускать свои боли на волю. В какой-то момент Книжка поутихла: она заснула. Новые друзья дали ей возможность отдохнуть. В помещении заиграла спокойная инструментальная музыка: мягкое звучание фортепиано лилось приятной волной, и, казалось, что оно деликатно стирало из памяти все пережитые в прошлом негативные эмоции и установки. Бархатное шуршание перкуссии словно заживляло старые душевные раны. Присоединившиеся звуки природы — журчание ручья, пение птиц,

шум моря — дарили надежду на умиротворение и обновление, избавляя от тревожных мыслей.

— Привет! Я так сладко спала. Не помню такой легкости! Признавайтесь, что вы со мной сделали, — добрым, игривым голосом обратилась Книжка к друзьям.

Наушники переглянулись с Ручкой и, улыбаясь, подмигнули друг другу.

— Как же хочется танцевать и петь!

Записная Книжка начала кружиться и напевать мелодию, которая играла, пока она спала.

Вот такие превращения могут случиться, если рядом вовремя окажутся добрые друзья и музыка, которая способна исцелить самую печальную душу.

Сказки из постирочной

Евгения Табуева

Эта Футболка не понравилась всем с первого взгляда. Как только Хозяйка повесила ее сушиться в комнатке-постирочной, расправив главное ее достоинство — кружевные рукава, сразу стало понятно: в доме появилась королевишна гардероба.

Покачиваясь на вешалке ярким пятном цвета фуксии, Футболка свысока осматривала помещение.

— Футболочка, какая ты красивая! И цветом почти как я, — восхищенно пропищал кусочек розового мыла.

По первым словам нового предмета одежды сразу была понятна серьезность настроя в демонстрации высокомерия.

— Давайте сразу договоримся: я вам не Футболка, а Блузка! Мне требуется бережное обращение. — Произнося эти слова, Блузка-Футболка строго посмотрела на Стиральную машинку. — И только лучшие средства для стирки. — Она презрительно оглядела ряды пузатых бутылочек и ярких коробок в поисках достойнейшего.

Внезапно ее взгляд упал на обычное серое ведро.

— А ты вообще держись от меня подальше, Ведро! Я бы лучше согласилась хлопком гнить, чем быть ведром, в кото-

ром полощут половую тряпку.

Ненадолго оторопев от невиданной ранее наглости, обитатели постирочной наперебой принялись защищать самого безобидного среди них.

— Хозяйка хорошо нас промывает! — вступилась за честь их обоих половая Тряпка. — Бывает, даже с хлоркой!

— И вообще, Ведро появилось тут самым первым, имейте уважение, милочка! — бухнула Коробка Порошка, немного рассыпав белоснежных гранул от возмущения.

— То-то и видно, какое оно потрепанное, — фыркнула Блузка-Футболка.

Ведро не показало виду, что его задели слова выскочки цвета фуксии. Конечно, не очень приятно, когда в тебе полощут грязь. Но Ведро знало свое главное предназначение, другой судьбы оно себе и не планировало.

Ведро — свеженькое, только что купленное в магазине Ведерко — действительно заехало в новую квартиру самым первым из всех вещей. В нем Хозяйка принесла порошки, тряпочки, гели, губки, и с ним же она делала генеральную уборку после ремонта — поэтому сначала в Ведро попадала только строительная пыль. От нее было сложно избавиться, и приходилось полоскаться много раз. Когда гипсовая пыль закончилась, Ведро вздохнуло с облегчением: еженедельная уборка была уже легким занятием.

На своем веку Ведро повидало многое. Весной они с хозяйкой мыли окна, а осенью бесконечно смывали грязь с обу-

ви в прихожей. Ведро терпеливо выполняло роль игрушки: маленькая хозяйская дочка, едва научившись ползать, радостно била по нему крохотной ладошкой, потом надевала его как шапочку и, наконец, мыла пол, обмакивая в пустое Ведро свою детскую швабру. Бывало Ведро и вазой, когда хозяин радовал жену огромнейшими букетами из ста одной розы. А однажды в нем сидели котята — хозяева не могли пройти мимо осиротевших пищущих комочков, найденных под лестницей многоэтажки, собрали всех в Ведро, принесли домой, выкормили и раздали в хорошие руки, оставив себе пушистую трехцветную Марфу, которая частенько пряталась в Ведре от хозяйской дочки.

Словом, Ведро спокойно принимало все, что было уготовано ему судьбой, и не жаловалось на свою жизнь. И вот вдруг появляется эта несносная Блузка-Футболка и начинает насмехаться. В постирочной она бывала исключительно для взглядов сверху вниз — с вешалки, на которой сушилась, — и называла Ведро грязным, немытым и усталым.

В один непрекрасный день, когда в воздухе чувствовалась повышенная нервозность, за дверью постирочной раздались возмущенные крики Хозяйки. Затем открылась дверь в комнату, и на середину постирочной, прямо на пол, Хозяйка швырнула Блузку-Футболку. Обитатели комнатки были совершенно не готовы к такому повороту, но все же нашли в себе силы не разразиться немедленно назидательным хохотом. От рыдающей Блузки-Футболочки сложно было добить-

ся внятного объяснения происходящему, но порошки и гели с этим справились.

Сложив обрывочные фразы срывающегося от всхлипываний голоса и вычтя не совсем цензурные слова, все узнали, что Утюг сжег прекрасные крылышки у блузки и Хозяйка в порыве бессилия низвела бывшую красавицу до половой тряпки. Согласитесь, сложно удержаться от язвительных колкостей в такой ситуации. Ну вот теперь никто и не удержался. Стиральная машинка злорадно подмигнула всеми лампочками и победоносно прокрутила барабан; банки с гелем для стирки дали залп брызг; Швабра от смеха упала на пол; а Утюг был заочно награжден званием «Мститель справедливый».

Ведро скромно хихикнуло — теперь им с Футболкой, бывшей когда-то Блузкой, придется встречаться ой как часто.

С тех пор Футболка, забыв о самоуверенности и высокомерии, была мрачна. Она потеряла свой яркий цвет, растянулась, обзавелась дырочками и тяжело вздыхала, догадываясь, что скоро отправится на свалку истории.

— Прости меня, Ведро, я тебя обижала, а теперь сама как ты, — говорила она, отдыхая после субботней уборки.

— На твои глупости я и раньше не обращало внимания. Я хорошо делаю работу и выполняю свое предназначение. Если оно тебе непонятно, это не значит, что мне нужно извиняться за свое существование, — по-доброму отвечало Ведро.

Хорошо бы на этом и закончить историю. Но разжалованной Футболке пришлось пережить еще одно унижение, глядя на то, как в один прекрасный день Хозяйка радостно подхватила Ведро со словами «Это то что нужно!» и унесла его из квартиры.

Позже, когда в стирку закинулись дачные вещи Хозяйки, все обитатели постирочной узнали, что Ведро переехало в сад. Там его превратили в цветочный горшок, а хозяйская дочка раскрасила Ведро невероятными узорами. Заняв свое место на постаменте, Ведро теперь каждый год проводило лето будучи осыпанным густо цветущей петунией.

Февральский фонарь

Татьяна Аникина

Возле книжной лавки на углу улицы стоял старый фонарь — хранитель чужих историй. По вечерам он отбрасывал мягкий круг света. Когда пары назначали под ним свидание, фонарь вспыхивал ярче обычного, если чувства людей были настоящими. Он имел особый дар: видеть искренность человеческих чувств. Только вот влюбленные парочки все реже встречались под его светом, все чаще их манили витрины торговых центров и ресторанов. А фонарь одиноко висел над узким переулком, смотрел, как кружатся снежинки, и слушал, как щебечут воробьи под крышами домов.

Александр шел домой медленно — не от усталости, а потому что знал: быстрый шаг развеет внутри него то, с чем он еще не был готов проститься. Город, казалось, привык к его ровному, аккуратно сложенному одиночеству: работа инженером, вечера с книгой, редкие встречи с соседями в подъезде. Развод, произошедший несколько лет назад, оставил свой след: уменьшилось пространство; поменялись привычки; из ящика письменного стола исчезли краски и кисти; уехал мольберт и личные вещи любимой когда-то женщины; пропал ее запах на подушке.

В тот вечер свет фонаря разливался так, что снег блестел и казался почти теплым. Рядом с книжной лавкой под стекляннным козырьком стояла женщина. Она читала письмо при свете — не на экране телефона, а на листе бумаги, — и в ее лице была внимательность и легкая усталость путешественника, который уже не спешит. Фонарь почувствовал себя важным, нужным в этот момент, ведь он помогал читать настоящую жизнь.

— Извините, — сказал Александр, прежде чем успел передумать.

Женщина вздрогнула. Он подхватил выпавший из ее руки лист. Его пальцы задрожали, но не от холода — от прикосновения к чужой жизни. Она подняла на него глаза — в них светилось удивление и приятное смущение.

— Спасибо! — тихо сказала она, протянув руку за листом бумаги и, улыбнувшись, представилась: — Просто Мария.

— Александр, — так же тихо произнес он, и им обоим показалось, что их имена по какой-то причине звучат важнее, чем обычно.

Они стояли под фонарем, и город вокруг — шумный, но отдаленный — как будто разрешил им остановиться. А фонарь затаил дыхание. На его глазах рождалось чудо человеческой близости.

Мария рассказала, что вернулась домой после нескольких лет работы за границей, где занималась переводами и помогала организовывать литературные вечера. Александр

слушал, и в его памяти всплывали фрагменты прежней жизни: утренние разговоры за столом, ее рука, ставшая привычной, чашка с выцветшим краем. Он думал, что научился обходиться без этих мелочей, но стоявшая рядом женщина с письмом заставляла чувствовать их заново — не как рану, а как шепот прошлого, который не требует возрождения страстей, а лишь готовит почву для чего-то нового и теплого.

— Вы часто гуляете тут вечером? — тихо спросила она.

— Редко, — признался он. — Обычно обхожу стороной шумные места. Но этот фонарь, словно маяк, последний месяц чем-то меня притягивает.

Они зашли в кафе, чтобы согреться, и сразу стали говорить о книгах, о музыкальной пластинке, которая всегда ждет своего часа в проигрывателе, о том, как мелочи создают дом. Мария призналась, что раньше она думала, будто лучшая жизнь — это смена городов и стран, постоянные переезды. Теперь она чаще выбирала оставаться в книгах, в людях, в маленьких ритуалах. Александр слушал и чувствовал, как внутри него тают границы, нарисованные годами одиночества.

Он проводил спутницу. По пути домой вспоминал детали прежнего брака не в драматических красках, а в текстурах: ее любимая вазочка на кухне; спор о том, где повесить картину; подушка, которую она подкладывала в дождливые вечера, потому что болели колени. Эти воспоминания приходили не как ноша, а как ключи, позволяющие открыть дверь,

за которой жила новая версия его самого — человека, умеющего доверять и надеяться. Рядом с Марией он мог, наконец, услышать голос своих сожалений и превратить их в уроки, а не в приговор.

Сначала они договорились о воскресных прогулках в парке и неизменно встречались под старым фонарем. Тот ожидал при каждой встрече и даже подмигивал им. Мария рассказывала о поездках, о языках, о людях, которых любила по-своему, не по привычке, а за мгновения откровений. Александр говорил о проектах, о маленьком садике на подоконнике, где по весне пробивался самый упрямый росток базилика. Они делились теми вещами, которые не рвут отношения, а укрепляют: старыми фотографиями, рецептами, тихими привычками.

— Знаешь, мне важно быть настоящей, — сказала она однажды, глядя на падающий снег. — Хочу, чтобы оставалось место для ошибок и нежности, а мы не боялись друг друга потерять.

— А меня пугает молчание. Лучше говорить. Даже если слова на ум приходят совсем бессмысленные, — ответил он.

Они посмеялись над этим. В их разговорах было уважение к прошлому, понимание несовершенства, аккуратное прикосновение к чужим ранам, чтобы не причинять боль.

Февраль шел к концу, и город готовился к ярким солнечным дням. Мария получила письмо от своего постоянного заказчика: выгодный контракт за границей, интересный про-

ект. Предложение было заманчивым. В тот же вечер она рассказала об этом Александру.

— Я не знаю, что мне делать, — призналась она. — Это шанс, которого давно не было. Но я не хочу с тобой расставаться.

Старый фонарь замер от ужаса. Неужели это все?!

Александр слушал. Сердце в груди сжималось — не от ревности, а от понимания: у каждого свой мир и нельзя требовать от другого отказаться от части его судьбы. Он помнил, как сам однажды промахнулся, закрыв дверь в прошлое.

— Если ты решишь уехать, — тихо сказал он, — я не попрошу тебя остаться. Вернешься — обрадуюсь. Но знай: я буду очень скучать и ждать тебя. Возможно, звучит нелепо, но я так чувствую.

Она взяла его за руку, и в ее прикосновении было столько честности, что Мария вдруг почувствовала себя старше, мудрее: еще одна глава, которую можно писать не в одиночку...

Фонарь выдавил из себя пронзительный скрежет, как будто хотел крикнуть: «Не спешите принимать решение!»

Они не спешили. Мария попросила дать ей время подумать, а Александр понял, что ожидание — не пытка, а испытание на умение доверять. Между ними появилось тихое, густое, как кофе, доверие, которое не создают громкими обещаниями, а выращивают длительными заботами.

Февраль уступил место марту. Свет стал мягче, воздух на-

полнился запахом талого снега, влажной земли. Мария осталась еще на месяц: предложенный контракт можно было отложить, а сердце не спешило с решением.

Они начали дарить друг другу маленькие ритуалы: громко читать строки любимых авторов, обмениваться книгами. Прошлые браки, переживания и одиночество не исчезли. Они остались и лежали как почва, на которой могли вырасти новые отношения. Начало марта не принесло особо громких перемен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.